

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**ЛИЧНОСТЬ МИТРОПОЛИТА
ИОСИФА (СЕМАШКО) КАК ФАКТОР УСПЕХА
УПРАЗДНЕНИЯ УНИИ В 1839 ГОДУ**

*Протоиерей Александр Романчук
(Минск, Беларусь)*

Воссоединение униатов с православными в Российской империи в 1839 г. является одним из важнейших событий в истории белорусского народа. Оно завершило определенные тенденции, развивавшиеся внутри и вовне Униатской Церкви в XVIII и первой трети XIX вв., а также стало возможным благодаря уникальному стечению исторических обстоятельств. Среди факторов, послуживших успеху возвращения полутора миллионов греко-католиков на белорусско-литовских землях к православному вероисповеданию, на особом месте стоит личность митрополита Иосифа (Семашко), поскольку именно владыке Иосифу принадлежало авторство проекта воссоединения и его трудами этот проект был реализован, несмотря на многочисленные препятствия со всех сторон.

Духовный облик митрополита Иосифа, его качества церковного руководителя и церковно-общественного деятеля, нашли отражение в мемуарах самого митрополита, в многочисленных воспоминаниях его современников, в официальных документах, сопровождавших подготовку Полоцкого Собора 1839 г. и усвоение его постановлений воссоединенной паствой. В результате знакомства с этим огромным массивом исторических источников перед нами вырастает величественная фигура архиерея-воссоединителя, открывается его ведущая роль в деле упразднения Брестской церковной унии.

Каким же был митрополит Иосиф? Его внешность была, как это принято говорить, приятной. Он был среднего роста, имел крепкое,

умеренно полное телосложение. На его лице – строгом и выразительном – обращали на себя глаза, светящиеся пронизательным умом и добротой. Голос высокопреосвященного был средней громкости, он произносил слова внятно, но немного пришепetyвал, что, очевидно, являлось следствием того, что русский язык не был для него родным. Его родными языками были украинский и польский. В архиерейском богослужебном облачении митрополит Иосиф выглядел очень внушительно, службы, которые совершались им, отличались торжественностью, хотя и не были продолжительными. Во время священнодействия движения владыки были плавными и чинными, в его осанке и голосе, как отмечали его современники, чувствовалась сила нелицемерной веры.

Свою веру в Бога высокопреосвященный охарактеризовал сам. В своих записках он отмечает, что в молодости его «набожность» доходила до мистицизма, на что большое влияние оказало воспитание в католических духовных школах. К тридцатилетнему возрасту она «умерилась более ясным, разумным сознанием долга создания к своему Создателю» [3, с. 34–35.]. Особенность духовной жизни высокопреосвященного после пятидесяти лет от роду состояла в том, что им владело памятование о смерти. Он заранее приготовил себе гроб под ракой трех виленских мучеников и в своих воспоминаниях отмечал, что в нем «развивалось... какое-то усладительное ожидание или желание смерти» [3, с. 307]. Смерть его не пугала, поскольку он полагал, что его служение получит должную оценку лишь после его кончины. В последние годы жизни митрополит Иосиф писал: «Часто с наслаждением я размышляю, что Господь Бог после смерти дозволит нам на крыльях Херувимов бесконечно облетать бесконечные звездные пространства. Вот куда парит душа моя! В здешнем мире живу только по долгу» [3, с. 308].

В повседневной жизни наиболее любимым занятием митрополита Иосифа было чтение книг, круг которых составляли сочинения по

богословию, философии, юриспруденции, мировой, отечественной и церковной истории, естественным наукам. Художественная литература была представлена произведениями как русских, так и европейских писателей и поэтов. В библиотеке владыки, которую он собирал всю жизнь, содержались книги на русском, французском, английском, немецком, польском языках, а также на латыни.

Большое наслаждение доставляли владыке произведения художественного искусства и музыка. В виленском архиерейском доме и своей резиденции в Тринополе митрополит Иосиф создал целые картинные галереи. Картины, которые по заказу митрополита писал академик Иван Фомич Хруцкий (сам сын воссоединенного священника), содержали библейские и исторические сюжеты, пейзажи, портреты церковных деятелей, значительную часть которых составляли изображения униатских иерархов. Виленский архиерейский хор, состоявший из учащихся и преподавателей Литовской духовной семинарии и духовного училища, в годы служения митрополита Иосифа славился по всей Русской Православной Церкви.

Любил митрополит Иосиф и физический труд. В летние месяцы он иногда целыми днями трудился в своем архиерейском саду.

Интересен психологический портрет митрополита Иосифа. Владыка скорее являлся интровертом, склонным к рефлексии, идеализации действительности, продуцированию фантазий и их воплощению, что сочеталось в нем с удивительной практичностью в делах. Окружающие отмечали, что господствующее настроение духа высокопреосвященного Иосифа было всегда самоуглубленное и молчаливое. Находясь среди общества, он допускал, разумеется, и легкий, обыденный разговор и приличную веселость, но и тут не сглаживались с лица его задумчивость и какая-то грусть, даже при мимолетной, порой, улыбке [6, с. 512].

Собеседники владыки Иосифа отмечали тонкую дипломатичность, с которой он вел разговоры. В то же время его речь дышала

простодушием и спокойствием ума, но так, что умное его казалось простым, а простое – умным. Он не унижал собеседника полутонком в разговоре. При рассуждении о предмете важном, если не желал продолжать его, то или молчанием давал почувствовать, что пора переменить тему, или высказывал свое мнение прямо, открыто, без заносчивости, без навязчивости, не выходя, конечно, за пределы разумной откровенности. В случае, когда вопрос еще не был обдуман и уяснен им, он не стыдился сказать: «Вопрос нов для меня, подумаю». Не увлекался он новыми мыслями и не навязывал старых, в его откровенной беседе заметна была та мудрая опытность и осторожная твердость, которыми руководился он в жизни. Одаренный обширной памятью, он никогда не нуждался в напоминаниях, никогда ничего не забывал, особенно людей, что им было особенно приятно [6, с. 512].

В быту митрополит Иосиф был очень прост: сторонился общепринятых в ту эпоху развлечений высшего общества. Оценивая свой образ жизни, он писал: «Я не чувствовал особенного удовольствия ни в яствах, ни в напитках, ни в одежде, ни в других наружных блестящих, за которыми гоняется людское самолюбие» [3, с. 307]. Свободные денежные средства, которые у него появлялись он тратил на благотворительность и помощь своим подчиненным, за что пользовался заслуженным уважением.

Отличительными чертами митрополита Иосифа, как церковного руководителя были скрупулезность в делах, справедливость ко всем окружающим, в том числе и к противникам [3, с. 109], а также требовательность, сочетаемая с искренней заботой о подчиненных. Свой стиль управления высокопреосвященный охарактеризовал сам. Он писал: «Я был... мягок в обращении, особенно с низшими; но с провинившимися я был весьма энергичен в выговорах, обыкновенно весьма метких, так что меня и любили, и боялись. Эти меткие и энергичные выговоры весьма важное производили впечатление на виновных и на их исправление; и я, благодарение Богу, имел менее нужды прибегать к более строгим взысканиям» [3, с. 108]. То, что митропо-

лита Иосифа любили и боялись, подтверждает биограф владыки Г.Я. Киприанович. О том же пишет в своих воспоминаниях о годах обучения в Литовской духовной семинарии протоиерей Игнатий Пашкевич [8, с. 371].

Все сказанное изображает митрополита Иосифа незаурядным человеком и замечательным церковным деятелем. В то же время, очевидно, что при всех своих достоинствах владыка Иосиф не являлся харизматичным лидером, способным увлечь за собой горячими речами. Он этим и не занимался, мало проповедовал, предпочитал кропотливую кабинетную работу и доверительное общение со священниками. Тем не менее влияние личности владыки Иосифа на дело воссоединения было решающим. Согласно свидетельству архиепископа Антония (Зубко) «и благочинные, и простые священники тем решительнее соглашались давать... подписки (о воссоединении – *А.Р.*), что им было известно желание архиепископа Иосифа, которого они глубоко уважали, и при полном убеждении, что он сумеет дело воссоединения довести до конца стройно, без вредных столкновений» [10, с. 72].

Авторитет митрополита Иосифа базировался на том основании, что все окружающие видели его нелицемерную веру в Бога, которая подразумевала неукоснительное следование Истине, и сопровождалась высокой нравственностью и личной скромностью. Не мог человек, боящийся Бога, обманывать, предлагать своим собратьям стать на ложный путь ко спасению. Это усиливалось тем, что митрополит Иосиф был всецело увлечен своим служением, видел себя орудием Промысла Божия, заключавшегося в возрождении Православия. Сам он так свидетельствовал об этом: «Меня всего... поглотило великое дело, которого судил мне Господь быть орудием. Я ему предался всей душой, в течение более двадцати лет. Тут не было места для личных видов, для личных удовольствий и предположений» [3, с. 307]. Всем были видны самоотверженное служение Семашко, хладнокровно вы-

держивавшего самые омерзительные нападки, его твердость, последовательность, бескорыстие.

Уважение к архиерею-воссоединителю, решение следовать за ним укреплялось у священников еще и тем обстоятельством, что митрополит Иосиф без предубеждения относился к католическому духовенству и католическому высшему обществу на белорусско-литовских и украинских землях. Эти люди его ненавидели и приложили большие усилия, чтобы опорочить личность владыки и превратить для него служение в кошмар. Это вполне понятно, ведь своей церковной и общественной деятельностью архиерей-воссоединитель нанес им сокрушительное поражение. В ответ на это митрополит Иосиф никогда не отвечал им взаимностью. У него отсутствовала нехристианская нелюбовь к тем, кто относился к нему враждебно. В проповеди, произнесенной им в 1845 г. по случаю перенесения духовных школ и епархиального управления Литовской епархии из Жировичского Успенского монастыря в Вильно, владыка Иосиф приглашал пасомых относиться с любовью к инославным братьям-христианам, не помнить зла, прощать клевету, оставлять без внимания оскорбления. «Чувство любви к ним (католикам – *А.Р.*), – говорил архипастырь, – есть обетом всей моей жизни, и малодушная ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мне пришлось запечатлеть кровью это душевное расположение» [5, с. 54–55]. Такое отношение к противникам было свидетельством религиозной убежденности и моральной силы высокопреосвященного Иосифа. Оно убеждало священников в духовной справедливости отказа от унии, воодушевляло их следовать за своим архипастырем.

Наконец, нельзя не сказать о том, что высокопреосвященный Иосиф считал основополагающим фактором успеха своей деятельности по возвращению униатов к православной вере. Представляется, что напрасно исследователи жизни и деятельности архиерея-воссоединителя не оценили по достоинству слова владыки, написанные им в

конце жизни. Они многое говорят о масштабе его личности и его качествах церковного руководителя. Вот эти откровения митрополита Иосифа: «Я в жизнь мою не брал взятку. Это меня охранило от влияния богатой иноверной польской касты в западных губерниях. Я не любил никаких подарочков, и они скорее вредили, а не помогали искателям. На меня не действовала лесть, ни другие увлечения, и вообще мало есть людей, которые были бы менее меня требовательны для себя от других. Вскоре убедились, что самое верное средство выслужиться мне и понравиться есть исполнять свои обязанности, – и, разумеется, дела пошли успешно... в первые годы моего служения начали поступать доносы из темных источников, по жандармской части; но довольно было два-три раза выказать эти доносы в настоящем виде, безобразном и невероятном до смешного, обнаружить явную близорукость или недобросовестность доносивших – и я навсегда избавился от переписки по этой части... во всю жизнь я не употреблял шпионства и не нуждался в нем. Я его считал всегда и безнравственным, и бесполезным» [3, с. 109, 111]. Подобный подход к церковному управлению в полной мере объясняет, почему священники не только боялись своего архипастыря, но и любили его и готовы были с готовностью откликаться на его призывы.

Особо имеет смысл сказать о том, почему митрополиту Иосифу удалось в невероятно сложных условиях нападков со всех сторон, в том числе и со стороны некоторых представителей чиновничества, при минимальных материальных средствах, выделяемых правительством на укрепление позиций Православной Церкви после Полоцкого Собора 1839 г., добиться того, что православие постепенно вернулось в жизнь воссоединенного духовенства и простого народа. Здесь вновь можно отметить влияние его личности и оригинальные методы церковного управления.

Прежде всего нужно сказать, что владыка старался действовать моральным поощрением и личным примером. К примеру, он без ви-

димого труда сумел решить одну из сложнейших задач – изменение внешнего вида воссоединенных священников. Брить бороды и носить латинское духовное платье им дозволялось решением Полоцкого Собора, но это через несколько лет после воссоединения стало вводить простой народ в соблазн. Как же поступил владыка? В 1842 г. он сам с несколькими ближайшими сотрудниками отрастил бороду и облачился в православное духовное платье, после чего запретил приходскому духовенству самовольно делать то же самое. По епархии было объявлено, что разрешение на перемену костюма и отращивание бороды может быть дано только как награда за усердную службу и хорошее поведение. Мгновенно борода и ряса стали престижными, а костюм ксендза и гладко выбритые щеки – признаком отсталости и ущербности. В результате священники устроили настоящее соревнование, так что через несколько лет все они, за исключением нескольких, внешне не отличались от прочего православного духовенства [2, с. 300]. «Чего не имел право требовать, – писал митрополит в своих Записках, – о том заставил просить... впрочем, я не очень настаивал и даже до последнего времени оставлял некоторых духовных в прежнем костюме, дабы показать здешним латинам, что у нас Православие состоит не в бороде и рясе» [2, с. 143]. В частности, до конца жизни в униатском духовном платье оставались известный писатель и публицист протоиерей Плакид Янковский и духовник митрополита Иосифа иеромонах Викентий (Лисовский).

Объективные трудности при проведении литургических преобразований в 1840–1850-е гг., которые состояли в бедности воссоединенных приходов, высокопреосвященный старался преодолевать следующим образом. Через консисторию и благочинных он выставлял настоятелям общие требования по совершению обрядов, проповеди, обустройству храмов и т.д., а затем акцентировал внимание на успехах, награждая добросовестных исполнителей его воли, ставя их в пример всем прочим. При этом он намеренно не замечал тех, кто не

исполнял его распоряжения. Владыка не ругал их, не подвергал взысканиям, а просто обходил молчанием. Такой подход вел к тому, что духовенство искренне стремилось оказаться на хорошем счету у своего архипастыря, находя в этом моральное удовлетворение. В итоге успехи литургических преобразований в Литовской епархии были неизмеримо большими, чем можно было ожидать в таких условиях.

Еще одним подход, который реализовал митрополит Иосиф после Полоцкого Собора, который в значительной степени повлиял на развитие православной церковной жизни воссоединенной паствы, была его позиция во взаимоотношениях с правительственными чиновниками. Этот подход владыка охарактеризовал так: «С высшими я был неискателен, а особенно неуступчив, где дело требовало» Следствием было то, что, как пишет митрополит в своих записках: «Меня иные считали гордым». Можно говорить о том, что Иосиф (Семашко) в своей архипастырской деятельности поступал вопреки сложившемуся в синодальную эпоху стереотипу поведения православного епископата. Сам митрополит объяснял, что «этому могла способствовать (его – *А.Р.*) непривычка к смиренным манерам православного духовенства» [3, с. 108]. Действительно, митрополит Иосиф, когда речь шла об интересах Церкви, никогда не тушевался перед людьми с высокими чинами.

Самым ярким проявлением такого подхода владыки стало событие, имевшее место 25 мая 1850 г. во время посещения Вильно императором Николаем I. Высокопреосвященный Иосиф с крестом в руках во главе духовенства встречал монарха на паперти кафедрального Никольского собора. Царь приложился ко кресту, поцеловал руку владыки и в его сопровождении вошел в храм. Здесь по одну сторону стояли высшие чиновники во главе с генерал-губернатором И.Г. Бибиковым и представители дворянства и общественности края, в подавляющем большинстве тайные патриоты Речи Посполитой. По другую сторону рядами стояли учащиеся Литовской духовной семи-

нарии. После обычного в таких случаях молебна случилось то, что всколыхнуло весь город и вызвало волну недовольства архипастырем у всех облеченных властью и именитых присутствовавших. Владыка взял императора Николая I под локоть правой руки, демонстративно провел его мимо блестящего виленского общества, подвел к семинаристам и в ответ на недоумение самодержца указал на них со следующими словами: «Добрая молодежь и надежная» [2, с. 483]. Продуманным нарушением протокола визита и этими словами владыка со всей отчетливостью показал императору, что, по его мнению, православное духовенство является не только главной и надежной, но и единственной опорой России в Северо-Западном крае. Такое действие митрополита Иосифа обличало всех тех, кто нес государственную ответственность за благополучие белорусско-литовских земель и со всей очевидностью раскрывало настоящее настроение местной знати, в среде которой культивировалась русофобия. Этот эпизод описал в своих воспоминаниях сам митрополит Иосиф. То, что все это действительно имело место подтверждает в своих воспоминаниях протоиерей Игнатий Пашкевич, которой добавляет, что Николай I после слов архиерея-воссоединителя, сказал семинаристам: «Дай Бог быть вам такими, какими следует быть» [8, с. 372]. При этом отец Игнатий делает очень ценное наблюдение – среди семинаристов стоял юный Роман Рапацкий, который в иерейском сане в 1863 г. под угрозой смерти не отрекся от своего священнического долга и принял мучительную смерть от рук восставших патриотов Речи Посполитой. Видимо отец Роман хорошо помнил слова митрополита Иосифа и императора Николая I, полагал их руководством для жизни и церковного служения.

Независимая и твердая позиция митрополита Иосифа в отношении власть предержащих давала воссоединенным священникам уверенность в том, что они всегда могут найти справедливость и поддержку, что нападки на них, клевета и провокации, которым они

постоянно подвергались в 1840–1850-е гг., не достигнут цели. Это во многом послужило основанием для их ревностного исполнения обязанностей православного духовенства.

Таким образом, личность митрополита Иосифа (Семашко) сыграла значительную, а возможно и решающую роль в упразднении Унии в 1839 г. и последующем возрождении Православия на белорусско-литовских землях. Трудно представить, чтобы человек с другим отношением к вере в Бога, моральной безупречностью, силой убежденности в правоте своего дела, смелостью и самоотверженностью мог бы предложить и довести до успешного завершения изменение конфессиональной принадлежности более полутора миллионов людей.

Память, которую архиерей-воссоединитель оставил в среде белорусских священников, откликнувшихся на его призыв отвергнуть Унию с Римом, наиболее ярко выразил протоиерей Павел Круковский. Вот что говорил этот священнослужитель своему сыну, когда услышал скорбную весть о кончине митрополита Иосифа: «Без него (митрополита Иосифа – *А.Р.*)... не подымется к новой жизни наш край! Не будет уже в Белоруссии такого митрополита; никто не направит новое поколение духовенства к заветам вечной правды, никто не вдохнет живой веры в святое дело народного обновления» [7, с. 245]. Сам митрополит Иосиф в 1859 г. сказал будущему Дмитровскому епископу Леониду (Краснопевкову), в то время архимандриту Заиконоспасского монастыря: «Не знаю, примет ли от меня Бог это дело (разрыв унии – *А.Р.*), но знаю, что я действовал искренно, без всяких посторонних видов» [Цит. по: 10, с. 37]. В этих словах звучит настоящее православное смиренное понимание того, что нельзя предугадать суд Божий, а также указание на главное религиозное и нравственное основание деятельности архиерея-воссоединителя – стремление к Истине, искренность и бескорыстие.

Источники и литература

1. Антоний, (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / архиепископ Антоний (Зубко) // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – Санкт-Петербург, 1889. – С. 38–76. – С. 72.

2. Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883.

3. Иосиф (Семашко И.И. ; митрополит Литовский и Виленский ; 1798–1868). Записки / митрополит Иосиф (Семашко) ; предисл. священника Алексея Хотеева. – Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2018. – 328 с.

4. Иосиф (Семашко), митрополит. Новооткрытые Записки Иосифа, митрополита Литовского. 1861–1868 г. / митрополит Иосиф (Семашко) // Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – С. 527–546.

5. Иосиф (Семашко), митрополит. Семь слов Синодального Члена Иосифа, Архиепископа Литовского и Виленского, говоренные при важнейших случаях служения / митрополит Иосиф (Семашко). – Вильно : Типография Завадского, 1848. – 100 с.

6. Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – 613 с.

7. Круковский, А.В. Страничка из истории белорусского духовенства / А.В. Круковский // Русская старина. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1910. – Т. 143. – С. 240–245.

8. Пашкевич, Игнатий, священник. Мои семинарские воспоминания / священник Игнатий Пашкевич // Гродненские епархиальные ведомости. – № 34. – 1909. – С. 361–372.

9. Семашко И.И. ; митрополит Литовский и Виленский ; 1798–1868). Записки / митрополит Иосиф (Семашко) ; предисл. священника Алексия Хотеева. – Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2018. – 328 с. : портр., ил. + 1 DVD.

10. Сушков, Н.В. Воспоминания о митрополите Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении Унии в России / Н.В. Сушков. – Москва : Университетская типография, 1869. – 39 с.

БРЕСТСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РИМА

*Миронович А.В.
(Белосток, Польша)*

Во второй половине тринадцатого столетия Византийская империя очутилась под угрозой турецкого нашествия. Рим решил воспользоваться этим положением и предпринял попытку, начатую им ещё во время крестовых походов, – подчинить себе и византийскую церковь. Папа римский потребовал тогда, чтобы его власть была признана на всей территории Византии и, чтобы греки приняли его исповедание веры. На соборе, который состоялся в 1274 г. в городе Лионе, во Франции, представители императора Михаила VIII, под давлением Рима, вынуждены были признать требования папы. Однако Лионскую унию решительно отвергли греческие епископы и греческие верующие. Также на соборе во Флоренции делегация императора Иоана VII Полеалога 5 июля 1439 г. подписала акт унии с Римским Костелом – за обещание оказания помощи для защиты Константинополя от турок. Византийской делегации был поставлен на этом соборе

ультиматум, а не предложение оказания помощи христианам, оказавшимся в угрожаемом положении. Римские легаты не допустили даже до дискуссии о догматических расхождениях, разделяющих Восточную Церковь и Римский Костел. Православная сторона вынуждена была признать папскую власть и подтвердить принятие римского вероисповедания. Однако, несмотря на подписание флорентийского акта, Византия не получила помощи от католических государств. Оставленный в одиночестве Константинополь пал в 1453 г. [18; 20, с. 743–767;] Рим использовал тяжелое положение, в каком очутился цареградский патриархат, для подчинения Православной Церкви своей власти. Такую же политику папа римский проводил и в следующих столетиях. Таким образом, Рим, пользуясь тяжелым положением, в каком очутились христиане Ближнего Востока, попавшие под власть магометанской Турции, подчинили своей юрисдикции армян и сирийских мелькитов.

Флорентийская уния была отвергнута православными Церквями, а участвующий во флорентийском соборе епископ Иосиф, из Киева, был изгнан с русских земель. Обе унии: Лионская и Флорентийская, показывают, что Рим не был заинтересован в том, чтобы возратить дух дружбы и сотрудничества между Церковью Восточной и Церковью Западной, а лишь в том, чтобы укрепить свою власть над восточными христианами. Рим не помог Греческой Церкви в её борьбе с агрессивным магометанским миром, не защитил христиан Ближнего Востока от турецкой неволи. [2, с. 338; 24, с. 152–153; 16, с. 47–48; 31, с. 116–126] В XVI ст. всё внимание папства было сосредоточено на борьбе с реформацией в Западной Европе и на подчинении своей юрисдикции православного населения Восточной Европы.

После Тридентского собора в Риме доминировали централистические тенденции. В политике папской курии преобладали взгляды, что вне Римского Костела нет спасения (*extra Ecclesiam Rumanum` nulla salus*). НИКТО не думал о диалоге с православными, о догма-